

Делегация отправилась в столицу в субботу. На ступенях административного здания состоялась короткая церемония прощания, где Хокаге официально предоставил всем новым эмиссарам право говорить от его имени и произнес небольшую речь о важности отношений между ним и даймё, а затем они были выключенный.

Они не стали, как большинство других ниндзя, отправляющихся на миссию, покидать деревню с головокружительной скоростью, стремясь как можно быстрее добраться до места назначения, чтобы быть максимально эффективными для Хокаге.

Делегация состояла из шести повозок, трех джунинов (включая одного из столичных эмиссаров и их сэнсэя, который формально не был эмиссаром, но руководил делегацией), пяти чуунинов (их было много из Дипломатического отдела) и команда Чинмоку (ассистенты)

Темп не обязательно был медленным — они определенно двигались быстрее, чем торговые караваны, мимо которых они проходили, а лошади, которых они подобрали примерно в миле от стен, чрезвычайно способствовали скорости фургонов — но важнее было выглядеть «официально». , выглядеть «надлежащим», выглядеть «хорошо», чем достичь этого как можно быстрее.

Сакура, Джуро и Шин шли рядом со всеми остальными повозками. На прошлой неделе их заставили запомнить расположение всего, что в них было упаковано (ничего в первой, последней или четвертой; они предназначались как приманки и для сна. Подарки и тому подобное во второй — самое Дорогой, но наименее ценный из вагонов. В третьем находились пополненные запасы официального воска и других канцелярских принадлежностей, а также все документы. В пятом - несколько резервных и любых расходных материалов, не связанных с оформлением документов.

Кроме этого, делать особо было нечего. Они были чистыми, соответствующим образом одетыми и легко шли в ногу — чакра на самом деле даже не требовалась, особенно потому, что каждые несколько часов они останавливались, чтобы поесть и отдохнуть.

Вся цель этой поездки заключалась не в том, чтобы добраться туда, а в том, чтобы увидеть, и каждое их действие подразумевало это либо явно, либо тайно.

Они следовали по главной (единственной) дороге в Коноху и обратно, поэтому им потребовалось некоторое время, чтобы покинуть сельскохозяйственные угодья и по-настоящему войти в самое сердце леса. Как только они это сделали, все расслабились, темп увеличился, и старшие шиноби начали что-то бормотать друг с другом, чувствуя себя комфортно в густоте деревьев.

Сакура, находившаяся слишком далеко от кого-либо, чтобы говорить, продолжала бежать.

Она была первой в очереди — сенсор, лидер группы и та, кто меньше всего преуспел в бою на дальних дистанциях.

Джуро был следующим, в нескольких метрах позади нее. Медики были важны, их никогда нельзя было приближать к неизведанному, и в любом случае он был у них единственным — дипломатия и медицина, по-видимому, редко выбирались вместе в качестве специальностей.

Потом Шин. Учитывая все обстоятельства, его тени имели довольно хорошую дальность действия, и его меткость была лучше всего с различным оружием, которое он сейчас тестировал. Он был сзади.

Сенсей попросил чаю. Джуро исчез в пятом вагоне — для уверенности она дала импульс своему разуму.

Она должна была использовать это чувство каждые пятнадцать минут или около того. В настоящее время это было самое частое посещение, которое она могла делать, если хотела сохранить эту способность на неопределенный срок; если бы эта поездка длилась менее тридцати минут, то она могла бы проверять окрестности каждые десять или пятнадцать секунд, пульсируя, как волна. Однако постоянное использование чакры по-прежнему утомляло — в идеале к концу года она могла бы справиться с этим за пятнадцать минут, но на это потребуется время.

Она знала, что у Шина были похожие проблемы с использованием теней и аналогичные инструкции по практике с ними на протяжении всего путешествия; один из чуунинов — Учиха, сидевший в повозке 1 — был сенсором, который фактически отвечал за отслеживание их окружения.

К вечеру они прибыли в первую настоящую деревню, и (поскольку это было правильно) были забронированы комнаты в самой известной гостинице.

Сакуру поместили к двум из пяти чуунинов — незамужние женщины и мужчины не жили в одной комнате за пределами Конохагакуре. И Эмиссар (Дайки Сарутоби), и Сэнсэй получили свои комнаты, а остальные три чуунина делили комнату с последним джонином. Джуро и Шин застряли на ночь в качестве «охранников повозки» — на следующую ночь это должны были быть Сакура и один из чуунинов.

Поездка не будет долгой, но довольно скучной.

.

«Стой!»

Самурай.

Сакура никогда раньше не видела их так близко. Сэнсэй Митокадо показывала им одежду, которую они носили, и другие отличительные характеристики, и иногда она могла видеть, как они прогуливались по Конохе, но раньше у нее никогда не было причин взаимодействовать ни с кем. Однако тот, что звал сейчас, и еще два самурая, стоявшие рядом, были такими, как она и ожидала, поэтому уроки Сэнсэя гарантировали, что она знает, как они будут действовать.

Позади них вырос город, почти сияющий в дневном свете. Он был построен, в основном, на холме, а дворец даймё, высокая резиденция с темно-зелеными крышами, которые легко затмевали все четырехэтажные или более низкие здания вокруг него, был расположен на самом верху.

Дорога между главными воротами и Дворцом была довольно прямой и с обеих сторон окружена в основном коммерческими зданиями, и хотя Сакура не видела никаких плохо содержащихся домов, она знала, что это произошло не потому, что их не существовало: здесь, как и в Конохагакуре, их держали подальше от главных дорог, вне поля зрения.

Однако помимо этого у этих двух сообществ было больше различий, чем сходств.

Во-первых, здесь было больше стен, и, в отличие от Конохи, они не были построены в виде единственного круга с плоской поверхностью. Вместо этого прямые стены из серого камня

очерчивали город острыми углами и редкими выходами на поверхность. Внутри, насколько она могла видеть, все было примерно так же: старые стены, построенные, когда город был меньше, все еще разделяли городские земли на зоны. Время от времени, как объяснял ее сэнсэй, они признавали, что за пределами существующих стен растет слишком много домов, коммерческих предприятий, жизней, поэтому новые строятся настолько далеко, насколько это может сделать нынешний даймё. Их, и с заведений, которые теперь окружены внутренними стенами, будут взиматься повышенные налоги за эту привилегию.

Внешние стены сейчас были старше, чем весь Конохагакуре, и они были самыми новыми в городе.

Сэнсэй и эмиссар Сарутоби все еще разговаривали с самураем. Разговор не казался особенно приветливым, но и особенно враждебным он не казался. Самураи, возможно, были ниже ростом, чем Сэнсэй, но они были широки, чего не было у Сэнсэя — они были построены из чистых мышц, а не из усиленного чакрой тела, предпочитаемого ниндзя. Казалось, они пытались запугать его этой разницей, но пустое лицо Сэнсэя, казалось, держалось. Она не могла понять, о чем они говорили, но каждое слово, казалось, подбиралось тщательно, медленно, как трава, и все вокруг изо всех сил старались не дергаться.

Сакура стояла на месте.

Им потребовалось почти полчаса, чтобы снова пошевелиться, полчаса тихого шепота, передачи бумаг взад и вперед, жестов и поклонов.

Ни одна из сторон, казалось, не находила это необычным, поэтому, хотя это раздражало и казалось неестественным, Сакура старалась чувствовать, что все в порядке. (И все было в порядке, Сэнсэй предупреждал их об этом самом шаге. Но это казалось неправильным, по крайней мере, когда они приехали из Конохи, где целесообразность была основным принципом жизни ниндзя. Это казалось очень, очень неправильным.)

Их жестом пригласили войти.

Один из чунинов — Нара — повернул первую повозку с дороги, пропустив вторую — ту, что с дарами, — пройти первой.

Они все двинулись вперед.

Подарочный фургон направился прямо во дворец. Остальные, включая их, повернулись к зданию неподалеку.

Внутренности города снова сильно отличались от Конохагакуре.

Здесь лошади бродили свободно или настолько свободно, насколько им позволяли хозяева.

Здесь на улицах было дерьмо, здесь не было деревьев, кроме тех, что были заперты заборами домов, здесь город в целом был в четыре-пять раз больше Конохи — и это было внутри стен.

В Конохе торговцы продавали свои товары на углах улиц, в маленьких тележках, даже на главных дорогах. Здесь, по крайней мере, насколько она могла видеть, дела велись только внутри, хотя это могло быть справедливо и для главной улицы.

Было также... еще.

Коноха была построена кланами, поэтому большая часть ее территории была огорожена заборами поместий. Вокруг этих массивных комплексов были построены жилые дома, рестораны, магазины, кузницы и все остальное. В Конохе предъявлялось очень мало требований к строительству, кроме этого — административное здание по-прежнему было самым высоким, но ненамного, и поэтому его можно было увидеть только у ворот из-за прямой главной улицы. Вместо этого над всем нависали головы Хокаге, высеченные в горе, которая полностью находилась за стенами и была слишком высокой, чтобы с ней могло конкурировать какое-либо здание.

Здесь здания нельзя было построить такими высокими, поэтому они растянулись широко. Комплексов, похоже, не было, но многие дома сами по себе были больше и шире, чем любое неправительственное здание, которое она когда-либо видела.

Так что поселений не было, но было, во всяком случае, более четкое разделение среди жителей: были те, кто жил в миниатюрных дворцах, мимо которых они проходили, те, кто обедал в ресторанах и покупал прекрасную керамику на продажу за чудовищными размерами оконными стеклами. стекло, а еще были те, кто проносился мимо, едва скрывшись из виду, которые носили поношенную одежду, возили мусор по переулкам, убирали за лошадьми и занимались своей работой, по-видимому, незаметно для тех, кто был одет в шелка и наряды.

«Это странно», — подумала Сакура, и не только из-за социальных различий.

Во всяком случае, она обнаружила, что невежество гораздо более красноречиво, и его гораздо труднее понять.

В Конохе даже те дети, которые не стали ниндзя, не игнорировали свое окружение. Она даже не подумала, что это может быть как-то связано с тем, что она шиноби — для нее это было просто делом, которым занимались люди ее мира .

Арден этого не сделал.

Это было ясно из ее воспоминаний: ее внимание было сосредоточено лишь на нескольких вещах одновременно; она могла пройти мимо десятков лиц и не заметить ни одного, могла пойти в школу и не осознавать, пока не пошла за тетрадь, что утром забыла застегнуть молнию на рюкзаке.

К тому времени Сакура поняла, что она и Арден не принадлежали к одному и тому же виду, оба были разумными и почти идентичными в видимой форме, но очень разными внутри.

Она объяснила бы невнимание Арден этим, другим эволюционным путем.

В Конохе ведь было принято знать, что происходит вокруг тебя; это просто рассматривалось как «то, что было сделано».

В Столице потребовалось десять, может быть, двадцать секунд, чтобы понять, что у них разные обычаи.

Даже самураи не бросали глаз, чтобы рассмотреть всех, кто двигался вокруг них. Она была уверена, что если она спросит их позже, они не смогут узнать ни одного лица из толпы.

Мальчик (старше ее, почти взрослый) споткнулся о кусок камня, торчавший из дороги, и пошел дальше, как будто это не было признаком чего-то очень плохого, как будто не зная, куда собираешься ступить. было в порядке.

Она не видела, чтобы ребенок старше шести лет споткнулся ни о чем, особенно если он просто шел по улице, не бегал, не играл и не держался так сильно, что не мог видеть дорогу перед собой.

Это тревожило.

Другая маленькая девочка остановилась перед магазином шелка, и две женщины, с которыми она гуляла, продолжили путь, по-видимому, совершенно не подозревая, что маленькая отстала. Несколько секунд спустя она подняла глаза, отчаянно дернувшись, прежде чем заметить двух женщин, сворачивающих в переулок. Она погналась за ними, и все трое скрылись из виду.

Снова и снова Сакура видела, как люди буквально не обращают внимания на окружающий мир. Снова и снова она видела, что дело было не в простом игнорировании того, что было отнесено к категории неважных (по крайней мере, все так делали), а в том, что они вообще не замечали этих вещей, в том, что они уделяли так мало умственных способностей тому, чтобы такое ощущение, что с таким же успехом ты мог быть наполовину слепым.

Вагоны остановились. Они подошли к зданию.

Сакура очень твердо решила, что этот город ей не нравится.

.

Освоение не заняло много времени.

На самом деле эта часть была отчасти неожиданной — она, конечно, знала, что они начнут работу немедленно, но она думала, что пройдет некоторое время, прежде чем они начнут работать с максимальной эффективностью, пока они все еще выясняют, как не только делать что-то, но как все сделать правильно.

Вместо этого она, Джуро и Шин закончили свой первый день рухнув на общий футон далеко за полночь, проведя весь день в спешке и раскладывая вещи повсюду, где они должны были быть, расставляя материалы и записывая краткие обзоры речи продолжительностью от тридцати до восьмидесяти минут, которые произошли между осенней сессией и нынешним днем.

Второй день начался на рассвете. Джуро носился вокруг, как их суслик, снабжая всех информацией о том, что делают остальные. Шин и Сакура, учитывая их талант к пониманию кода, более или менее полностью отвечали за обобщение любой новой информации. Чуунины взяли уже намеченные планы того, как они хотели, чтобы сеанс прошел, и корректировали их, корректируя по мере того, как новая информация воспринималась и понималась.

Сэнсэй и эмиссар Сарутоби исчезали во Дворце каждое утро в десять часов, после полных трех-четырёх часов инструктажа и инструктажа, и Сакура еще не успела проснуться, как они вернулись домой. Другой джонин — она до сих пор не поняла его цели — исчез в первый же день и до сих пор не вернулся.

Темп был намного, намного хуже, чем она могла себе представить. Она едва вникла в прочитанное — времени не было. Вместо этого она стала мастером составлять полный отчет об урожае риса и резюмировать его в трех предложениях; она не только использовала уже заученную стенографию, но и научилась писать во время чтения, обращая так мало внимания на то, что делает ее рука, что была потрясена, когда перечитала ее позже и нашла ее связной. Скорость, с которой им приходилось подводить итоги, не допускала ничего другого.

Шин обычно работал напротив нее за одним из столиков.

Ее талант к языкам был лучше, поэтому ей в основном давали отчеты (часто полученные незаконным путем) на других языках, на языке Травы, Земли и Ветра. Шин же взял на себя львиную долю рекордов внутри границ Страны Огня; он был гораздо более способным, чем она, в чтении языка под языком, поскольку эти двое изменили ожидания своего клана задолго до того, как встретились.

Они работали.

Большая часть информации по тем или иным причинам не могла покинуть город, поэтому раз в день чуунин тоже брал всю новую обобщенную информацию и заново суммировал ее, сжимая слова в страницу для отправки своему Хокаге в виде часть полного описания.

Чинмоку давали мало времени на еду, сон и физические упражнения, и ни на что другое времени не было. Дни были потрачены на отчаянные попытки успеть подготовить все новые документы до начала новой сессии, при этом джонины постоянно отсутствовали, восстанавливая связи, льстив важным чиновникам и пытаясь сгладить любые перья, которые могли быть взъерошены на прошлой сессии.

Каждый вечер, задолго до того, как любой уважаемый человек ложился спать, между влиятельными членами обсуждались планы, обрисовывались, корректировались, смешивались и переделывались.

Прошла целая неделя, прежде чем Сакура вошла во Дворец.

Судебное заседание начнется только на следующей неделе и официально состоится во дворе даймё, в одной большой комнате, заполненной придворными, высокопоставленными лицами, эмиссарами, каждый из которых будет одет так правильно и подобающе, что едва сможет пошевелиться.

Придворные обычаи были само определением удушения, и Сакура была очень рада, что ей не пришлось быть помощницей, сопровождающей сенсея и эмиссара Сарутоби внутри.

Тем не менее, ее (после того, как она была соответствующе одета) показали внутри и вокруг комнаты, уже украшенную фантастическими произведениями искусства почти на каждой стене и даже абсурдно сложными коврами, покрывающими поверхность пола.

Затем ее провели в боковую комнату.

Суд действовал... странно, по мнению Сакуры.

Официально, конечно, и реально даймё был законодателем народа. Единственными, кому это право было позволено, были кланы внутри своих кланов и Коноха среди населения шиноби (и тех, кто жил с шиноби — иначе деревня бы не сдвинулась с мертвой точки); даже самураи были полностью подчинены; они могли создавать правила, а не законы.

Реальность, как обычно, оказалась сложнее.

Реальность была примерно такой: придворные составляли основную часть законодательной силы, заработав свои должности благодаря своей семье и преуспев в ней настолько, чтобы сохранить свое место в зале. Следующими шли эмиссары; В Конохе их было трое: Сарутоби, Симура и Сайто, а другие великие нации (и скрытые нации, обитавшие внутри) отправляли по

одной примерно на неделю в начале сессии, чтобы продвигать свои собственные планы.

Потом был Делегат. В случае с этим сеансом в Конохе был Сэнсэй. Внутри своих стран эмиссары должны были действовать как постоянные представители, чтобы постоянно снискать расположение двора. По сути, они были скорее распространителями информации, чем кем-либо еще. Именно Делегация – это был Сэнсэй Митокадо – фактически представляла интересы Конохи в законодательном смысле. Даймё Страны Огня также приветствовал делегатов из пяти основных провинций своего региона, а также Храма Огня, который действовал независимо от Конохагакуре и (по словам Сэнсэя) носил в первую очередь символический характер, отказываясь выносить суждения по любому возможному закону, если только он не был прямо определен. , существенно и негативно повлияло на них.

(Это делалось редко, поскольку в монахах больше, чем в ком-либо другом, видели истинных представителей божественного, и, несмотря на то, что наука начинала понимать окружающий мир, она никогда не сможет понять kami, не говоря уже о том, как справиться с их зачистой капризным поведением.)

Именно делегаты и придворные на самом деле прошли через трудности, просматривая информацию, мнения и анализ затрат и выгод, и решали, какой закон следует принять.

Часто Диамио просто говорил: «Я хочу, чтобы произошло X», и к концу сеанса это делалось, при этом у него было не больше понимания ситуации, чем в начале.

Да, именно через него каждый закон имел силу, но он был всего лишь центром внимания; если бы он умер и кто-то поставил на его место симулякр, мало что бы обязательно изменилось. (Однако сказать это вслух было бы изменой.) (И, по словам Сэнсэя, на практике это было не так верно, как в теории — даймё, сказал ей Сэнсэй, очень, очень хорошо умеет держать всех в узде). , несмотря на все это, он мало разбирался в повседневных махинациях своей страны.)

Все это означало, что гигантского помещения – суда – было недостаточно.

Поэтому крошечные комнаты были построены вдоль обеих длинных стен, по десять штук с каждой стороны. В каждой провинции было по одному, как и в Конохе (Храм Огня, очевидно, вежливо отклонил собственное предложение), а остальные четырнадцать были зарезервированы для тех придворных, которые оказались наиболее могущественными в данный момент.

После начала суда она проводила дни, сидя в Конохе, закрытая от глаз стенами из рисовой бумаги и посвященная исключительно отслеживанию происходящего, которое она могла слышать. Джуро сидел рядом с ней, его роль заключалась в том, чтобы делать ее записи и добавлять ссылки, перекрестные ссылки и сноски. Чунины — все пятеро — будут действовать вне двора, заключая сделки с отдельными придворными и их семьями. Внутри двора Шин постоянно ходил позади Сэнсэя, неся с собой все документы, которые, возможно, нужно было показать, и тихо запоминал все, что мог, чтобы Сэнсэй мог сосредоточиться на поддержании союзов, на заключении самой выгодной сделки для Конохи.

Однако пока они просто готовились.

Чинмоку находился во дворце максимум десять минут. Предстояло проделать слишком много работы, слишком много отчетов нужно было сжато, слишком много новой информации было внесено, чтобы терять время.

Жизнь в столице казалась постоянной чередой обязанностей и сроков, без малейшей иллюзии

действий, способных облегчить скуку от выполнения заведомо необходимых задач.

Теперь Сакура могла понять, почему дипломатия была таким непопулярным выбором карьеры.

Она и Джуро практически сразу же теряли сознание каждую ночь — Шину, отягощенному бессонницей, не так повезло.

<http://tl.rulate.ru/book/96215/3305521>